

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА СУДЕБНЫХ СОГЛАШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ФРГ

П. Головненков,

Dr. iur., assessor iuris

(Потсдамский университет (Германия), юридический факультет,
кафедра уголовного и экономического уголовного права,
главный научный сотрудник)

I. Суть судебного соглашения

Судебные соглашения представляют собой одну из особо спорных форм «альтернативного разрешения» уголовно-правовых процессов, причем речь здесь идет, разумеется, не о прекращении или избежании уголовного делопроизводства как такового, а лишь о возможности ускорить разрешение длительных и дорогостоящих судебных разбирательств, что на языке законодателя именуется «Судебным соглашением с участниками процесса о его дальнейшем ходе и результате».

Понятие «судебное соглашение» или «договоренность участников уголовного судопроизводства», также пренебрежительно именуемое «делкой» (*Deal*), является весьма распространенным явлением немецкого уголовного процесса¹. С тех пор как почти 30 лет назад этот феномен впервые был упомянут в немецкой юридической литературе², связанные с ним проблемы активно обсуждаются представителями юридической доктрины и судебной практики³. Наконец, в 2009 году положения о судебных соглашениях были закреплены

законодателем в § 257с Уголовно-процессуального кодекса ФРГ — УПК ФРГ)⁴.

По сути судебным соглашением является достигнутая между участниками процесса договоренность об определенной форме дальнейшего поведения сторон процесса, причем процессуальное поведение одного из договорившихся обусловлено исполнением принятых на себя обязательств другой стороной⁵. В некоторых зарубежных правовых системах, в которых уголовный процесс является состязательным и не действует принцип законности⁶, возможно заключение соглашения между прокурором и подсудимым, направленное на определенное ограничение обвинения. Так, например, в уголовно-процессуальном праве США возможен т.н. «*plea bargaining*», т.е. соглашение между прокурором и подсудимым, содержанием которого является отказ прокуратуры от предъявления обвинения в более тяжком деликте (напр. в тяжком убийстве), если подсудимый признает свою вину в совершении менее тяжкого преступления (напр. убийства). Подобный «*Deal*» невозможен в немецком уголовном процессе, поскольку государственное требование уголовного наказания не находится в распоряжении прокура-

1 Dahs (NStZ 1988, 153) утверждает, что на практике в около 30 — 40% уголовных судопроизводств участниками процесса производится попытка достигнуть соглашения о частичном или полном завершении судебного делопроизводства.

2 Detlev Deal aus Mauschelhausen, Der strafprozessuale Vergleich, StV 1982, 545. Подробно о развитии этого правового института Küpper/Vode, Jura 1999, 351 ff., 393 ff. с дополнительными ссылками.

3 Подробно Hellmann, Strafprozessrecht, 2. Aufl. 2005, Rn. 688 ff.; Schünemann, Absprachen im Strafverfahren? Grundlagen, Gegenstände und Grenzen. Gutachten zum 58. DJT 1990.

4 Gesetz zur Regelung der Verständigung im Strafverfahren vom [Закон о регулировании соглашений в уголовном процессе от] 29.07.2009 (BGBl I, 2009, S. 2353).

5 См. также Niemöller, StV 1990, 34 (35).

6 В немецком уголовно-процессуальном праве см. § 152 (абз. 2) УПК ФРГ.

туры и суда⁷. Вместо этого, в практике немецких судебных соглашений подсудимый принимает на себя обязательство признаться в совершении деяния и (или) отказаться ходатайствовать о применении отдельных процедур доказывания и зачатую также возместить потерпевшему причиненный ущерб. Ответным обязательством суда является обозначение определенной верхней границы наказания, причем на практике, как правило, позже назначенное наказание соответствует этой верхней границе или незначительно ее не достигает⁸. Посредством подобного соглашения трудоемкие судебные разбирательства, которые в противном случае продолжались бы неделями или месяцами, могут быть завершены в течении нескольких дней. Таким образом, судебное соглашение представляет собой своего рода взаимовыгодную сделку, лейтмотивом которой является: «Меняю чистосердечное признание на смягчение наказания»⁹, причем заинтересованность правоохранительных органов заключается в экономии процессуальных ресурсов (что особенно релевантно в длительных и трудоемких экономических процессах), а интерес подсудимого — в смягчении наказания, в особенности в назначении наказания, которое может быть условно отсрочено на испытательный срок. Некоторое время к практике судебных соглашений принадлежал также обоюдный отказ прокуратуры и подсудимого от обжалования судебного решения, что исключало его контроль в кассационной инстанции¹⁰. В соответствии с действующим законодательством подобное соглашение недопустимо.

2. Становление и критика практики судебных соглашений

Насколько практика судебных соглашений вообще допустима в немецком уголовно-процессуальном праве являлось спорным вопросом еще до введения в 2009 году соответствующей нормы в УПК ФРГ. Многие ученые¹¹ отвергали правомерность этой практики, поскольку в отличие от гражданско-процессуального права, в котором предмет спора определяется сторонами процесса (принцип состязательности) и консенсуальное (по возможности мировое) регулирование спора законодательством однозначно приветствуется (§ 278 Гражданско-процессуального кодекса ФРГ),

уголовно-процессуальное право Германии в отношении договоренности сторон концептировано «враждебно». Это заложено как в принципе законности § 152 (абз. 2) УПК ФРГ, так и в требовании судебного расследования по официальной инициативе § 244 (абз. 2) УПК ФРГ. Судебная практика¹² и некоторые представители доктрины¹³ напротив не считали судебные соглашения *per se* недопустимыми, поскольку многочисленные нормы УПК ФРГ не только допускают, но и требуют согласия одного или нескольких участников уголовного процесса с определенными процессуальными действиями (напр. §§ 153 (абз. 1 предл. 1), 153а (абз. 2 предл. 1), 153b (абз. 2), 154 (абз. 2), 154а (абз. 2), 251 (абз. 1 Nr. 1, абз. 2 Nr. 3), 265а, 266 (абз. 1), 303 УПК ФРГ). Таким образом, в соответствии с этим мнением консенсуальные процессуальные действия в принципе не противоречат сущности немецкого уголовно-процессуального права.

Впервые формальные предпосылки судебного соглашения были сформулированы в 1997 году в прецедентном решении Федерального Верховного суда ФРГ (ФВС ФРГ)¹⁴. Особое внимание суд уделил необходимости неукоснительного соблюдения основных принципов основного судебного разбирательства¹⁵. Во-первых, это касается обязанности суда по официальной инициативе добиваться выявления «материальной истины» и применять для этого все необходимые инструменты уголовного процесса. Поэтому суд не вправе без дальнейшей проверки принимать признание подсудимого за истину, а должен (также в интересах самого подсудимого и других подсудимых, оспаривающих соучастие в преступлении) проверять достоверность признания и при сомнении применять дальнейшие процедуры доказывания¹⁶. Во-вторых, суть и форма судебных соглашений должны быть оглашены на основном судебном заседании и внесены в протокол¹⁷. Хотя предварительные переговоры о возможности заключения судебного соглашения и могут проводиться конфиденциально¹⁸, оглашение результата на основ-

12 BVerfG, NJW 1987, 2662 ff.; BGHSt 43, 195; BGH, NJW 2004, 1396, 1397; BGH (GS), NJW 2005, 1440, 1442 ff.

13 Dahs, NStZ 1988, 153 ff.; Eschelbach, in: KMR, Vor § 213 Rn. 45; Hellmann, Strafprozessrecht, 2. Aufl. 2005, Rn. 689; Rieß, in: LRStPO, 26. Aufl. 2006, Einl. Abschn. G Rn. 58 ff.

14 BGHSt 43, 195 ff.

15 См. также BVerfG, NStZ 1987, 419 f.

16 BVerfG, NStZ 1987, 419; BGHSt 43, 195, 204; Beulke, Strafprozessrecht, 11. Aufl. 2010, Rn. 395; Ranft, Rn. 1233.

17 BGHSt 43, 195, 206.

18 BGHSt 42, 46, 47; BGHSt 43, 195, 206. А.А. Ранфт, Rn. 1240. См. критическое замечание Rönnaу, wistra 1998, 49, 51.

7 Hellmann, Strafprozessrecht, 2. Aufl. 2005, Rn. 688.

8 Hellmann, Strafprozessrecht, 2. Aufl. 2005, Rn. 688.

9 Küpper, HFR 2007, 138

10 Küpper, HFR 2007, 138.

11 Hassemer, JuS 1989, 890, 891 ff.; Küpper, HFR 2007, 139, 139; Lüderssen, StV 1990, 415 ff.; Wolter, in: SKStPO, § 151 Rn. 66 ff.;

ном судебном заседании необходимо, поскольку § 33 (абз. 1) УПК ФРГ требует заслушивания участников процесса, если суд после проведения совещания высказывается о вопросах наказания, в особенности о смягчающем наказании действии признания подсудимого¹⁹. Кроме того, принцип публичности судебного разбирательства требует оглашения судебного соглашения для обеспечения прозрачности оснований для судебных решений²⁰. Наконец, требование оглашения и протоколирования сути и результата судебного соглашения защищает подсудимого, поскольку в случае нарушения судом принятых условий он только на основании протокола имеет возможность в кассационной инстанции доказать факт соглашения, в то время как конфиденциально заключенное соглашение практически недоказуемо²¹.

Однако разногласия между мнением судебной практики и доктрины продолжали оставаться в вопросе допустимости обязательности соглашений в части отказа от опротестования судебного решения в кассационной инстанции. ФВС ФРГ придерживался точки зрения, что соглашения в принципе обязательны для следования, поскольку в противном случае нарушался бы принцип надежности и корректности уголовного судопроизводства²². Отклонения от соблюдения соглашения суд допускал только при наличии новых фактов или доказательств, которые, например, позволяли переклассифицировать деяние из уголовного проступка в уголовное преступление. Представители правовой доктрины напротив придерживались мнения, что судебные соглашения являются лишь выражением определенного намерения²³, а не обязательным к исполнению договором в правовом смысле²⁴. Особенно проблема отказа от возможности опротестования приговора как составной части судебного соглашения привела к серьезным разногласиям между отдельными коллегиями ФВС ФРГ²⁵. Поэтому решение вопроса о допустимости судебных соглашений, а также действенности соглашения об отказе от

возможности опротестования было передано на рассмотрение Большой коллегии ФВС ФРГ.

Постановлением от 3 марта 2005 года Большая коллегия ФВС ФРГ²⁶ в принципе подтвердила правомерность судебных соглашений, установив при этом жесткие правовые рамки. Учитывая принцип надежности и корректности уголовного судопроизводства, а также принцип вины суд установил минимальные требования к судебным соглашениям. Во-первых, это касалось необходимости проверки достоверности и конкретности признания подсудимого. Во-вторых, было установлено, что разница между рамками наказания, предусмотренными соглашением и ожидаемыми в результате судебного разбирательства без соглашения, не должна быть столь существенной, что ее невозможно было бы объяснить предусмотренным законом смягчением наказания за чистосердечное признание. Наконец, Большая коллегия ФВС ФРГ установила, что отказ от возможности обжалования приговора не может являться составной частью судебного соглашения. Напротив, после каждого приговора, основанного на судебном соглашении, суд обязан разъяснить осужденному, что он, независимо от соглашения, свободен в своем решении обжаловать приговор в соответствующей инстанции (т.н. квалифицированное разъяснение). Более того, отказ от обжалования приговора недействителен, если имело место судебное соглашение и суд не произвел квалифицированного разъяснения. В заключении суд обратился к законодателю с требованием проверить допустимость судебных соглашений и в случае их правомерности создать законодательную правовую базу для их осуществления.

3. Законодательное регулирование судебных соглашений

В 2009 году в УПК ФРГ был введен § 257с, регулирующий судебные соглашения. В основных положениях этой нормы законодатель опирался на предпосылки и границы судебного соглашения, установленные ФВС ФРГ в вышеописанном решении²⁷. В соответствии с этой нормой суд может в подходящих случаях и учитывая принципы уголовно-процессуального законодательства заключить с участниками процесса соглашение о дальнейшем ходе и результате процесса.

Предметом соглашения могут выступать:

а) правовые последствия, которые могут содержаться в приговоре или в связанных с ним поста-

19 BGHSt 38, 102, 104; Zschockelt, NStZ 1991, 305, 309. Bedenklich deshalb BGHSt 42, 46, 47 ff.; см. также Zschockelt, NStZ 1995, 449.

20 BGHSt 37, 298, 304; 43, 195, 205 f.; 45, 227, 230 f.; Krekel, NStZ 1994, 196, 197; Satzger, JuS 2000, 1157, 1158; Schmidt-Hieber, NJW 1982, 1017, 1021.

21 См. BGH, NStZ 1997, 561.

22 BGHSt 43, 195, 210.

23 Schmidt-Hieber, NJW 1990, 1884 f.

24 Dahs, NJW 1987, 1318.

25 BGHSt 45, 227; BGH NStZ 2003, 677; BGHSt 45, 227; BGH NStZ 2003, 677.

26 BGHSt 50, 40.

27 См. критический отзыв Hauer, NJ 2010, 10, 11 f.

новлениях (например, постановление об условной отсрочке исполнения наказания на испытательный срок, § 268а абз. 1 УПК ФРГ),

б) иные процессуальные меры в настоящем судопроизводстве (например, отказ от ходатайства о применении отдельных процедур доказывания или принятие на себя обязательства о возмещении причиненного ущерба),

в) процессуальные действия участников процесса (так, эти действия не могут касаться третьего лица, незадействованного в данном процессе).

Составной частью любого соглашения должно выступать признание подсудимого, причем положения §§ 257с (абз. 1), 244 (абз. 2) УПК ФРГ не освобождают суд от обязанности в рамках судебного разбирательства проверять достоверность этих показаний. Поскольку суд и в этих случаях подчиняется принципу обязанности выявления «материальной истины» по официальной инициативе, он не вправе удовлетвориться лишь признанием подсудимого. Хотя это и не означает, что суд обязан в полном объеме произвести судебное следствие, что было бы необходимо, если подсудимый оспаривал бы совершенные деяния, в судебном разбирательстве должны быть исследованы основные доказательства²⁸, в особенности должны быть допрошены свидетели обвинения и защиты²⁹.

В § 257с (абз. 2 предл. 3) УПК ФРГ установлено, что предметом судебного соглашения не могут выступать:

а) обвинительный вердикт, т.е. применение судом материального уголовного права (например, неучтение доказанного судебным разбирательством воплощения квалификационного состава),

б) меры исправления и безопасности (например, назначение превентивного заключения),

в) отказ от возможности обжалования приговора (это ограничение не следует непосредственно из положений § 257с УПК ФРГ, оно является следствием из § 302 абз. 1 предл. 2 в сочетании с § 35а предл. 3 УПК ФРГ).

Если суд публично огласил содержание возможного соглашения и указал на предусмотренные рамки наказания в случае его заключения и исполнения (§ 257с абз. 3 предл. 1 УПК ФРГ), а прокурор и подсудимый формально высказали свое согласие с предложением суда, то в соответ-

ствии с § 257с абз. 3 предл. 3 УПК ФРГ судебное соглашение считается заключенным, что ведет в принципе к обязательности исполнения его условий. Однако обязательства, принятые судом в рамках соглашения, расторгаются, если не были учтены или возникли впервые важные правовые или фактические обстоятельства и суд на этом основании приходит к убеждению, что установленные в соглашении рамки наказания более не соответствуют вине подсудимого и тяжести содеянного. Это же последствие наступает, если дальнейшие процессуальные действия подсудимого не соответствуют поведению, предусмотренному в соглашении. В этих случаях признание подсудимого не может быть использовано судом (§ 257с абз. 4 УПК ФРГ).

4. Конституционность законодательной базы судебных соглашений

В своем решении от 19 марта 2013 года³⁰ Федеральный Конституционный суд ФРГ (ФКС ФРГ) установил, что законодательное регулирование судебных соглашений как таковое не противоречит Конституции ФРГ. Однако приняв во внимание, что примерно половина всех судебных соглашений заключаются в немецких судах «не формально», т.е. без соблюдения законодательно заложенных требований о прозрачности, публичности и формальности судебных соглашений, суд указал на то, что данная практика грубейшим образом нарушает конституционные принципы Германии. По требованию ФКС ФРГ, немецкий правоприменитель обязан в кратчайшие сроки отказаться от практики неформальных соглашений, причем контрольным механизмом УПК ФРГ должно быть уделено особое внимание. В этом же решении ФКС ФРГ поручил немецкому законодателю внимательно наблюдать за дальнейшим развитием практики судебных соглашений и принять решение, в какой степени необходимо усовершенствовать процессуальные нормы, регулирующие и ограничивающие судебные соглашения. Во всяком случае, ФКС ФРГ предупредил, что не намерен далее допускать существование неконституционного состояния неформальных соглашений. В случае, если законодатель и правоприменитель не в состоянии в кратчайшие сроки изменить данное состояние, судебные соглашения в Германии будут запрещены.

28 BGHSt 43, 195.

29 Nistler, JuS 2009, 16, 17.

30 BVerfG, 2 BvR 2628/10 vom 19.03.2013, Absatz-Nr. (1 — 132), http://www.bverfg.de/entscheidungen/rs20130319_2bvr262810.html